

РИЧАРД БАХ

**ЧАЙКА ПО ИМЕНИ
ДЖОНАТАН ЛИВИНГСТОН**

Повесть – притча

*Невыдуманному Джонатану-Чайке,
который живет в каждом из нас.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

НАСТАЛО УТРО,
и золотые блики молодого солнца заплесали на едва заметных волнах спокойного моря.

В миле от берега с рыболовного судна забросили сети с приманкой, весть об этом мгновенно донеслась до Стаи, ожидавшей завтрака, и вот уже тысячи чаек слетелись к судну, чтобы хитростью или силой добыть крохи пищи. Еще один хлопотливый день вступил в свои права.

Но вдали от всех, вдали от рыболовного судна и от берега, в полном одиночестве совершала свои тренировочные полеты чайка по имени Джонатан Ливингстон. Взлетев на сто футов в небо, Джонатан опустил перепончатые лапы, приподнял клюв, вытянул вперед изогнутые дугой крылья и, преодолевая боль, старался удержать их в этом положении. Вытянутые вперед крылья снижали скорость, и он летел так медленно, что ветер едва шептал у него над ухом, а океан под ним казался недвижимым. Он прищурил глаза и весь обратился в одно-единственное желание: вот он задержал дыхание и чуть... чуть-чуть... на один дюйм... увеличил изгиб крыльев. Перья взъерошились, он совсем потерял скорость и упал.

Чайки, как вы знаете, не раздумывают во время полета и никогда не останавливаются. Остановиться в воздухе — для чайки бесчестье, для чайки это — позор.

Но Джонатан Ливингстон, который, не стыдясь, вновь выгибал и напрягал дрожащие крылья — все медленнее, медленнее, и опять неудача — был не какой-нибудь заурядной птицей. Большинство чаек не стремятся узнать о полете ничего, кроме самого необходимого: как долететь от берега, до пищи и вернуться назад. Для большинства чаек главное — еда, а не полет. Для этой же чайки главное было не в еде, а в полете. Больше всего на свете Джонатан Ливингстон любил летать.

Но подобное пристрастие, как он понял, не внушает уважения птицам. Даже его родители были встревожены тем, что Джонатан целые дни проводит в одиночестве и, занимаясь своими опытами, снова и снова планирует над самой водой.

Он, например, не понимал, почему, летая на высоте меньшей полуразмаха своих крыльев, он может держаться в воздухе дольше и почти без усилий. Его планирующий спуск заканчивался не обычным всплеском при погружении лап в воду, а появлением длинной вспененной струи, которая рождалась, как только тело Джонатана с плотно прижатыми лапами касалось поверхности моря. Когда он начал, поджимая лапы, планировать на берег, а потом измерять шагами след, оставляемый на песке, его родители, естественно, встревожились не на шутку.

— Почему, Джон, почему? — спрашивала мать. — Почему ты не можешь вести себя, как все мы? Почему ты не предоставишь полеты над водой пеликанам и альбатросам? Почему ты ничего не ешь? Сын, от тебя остались перья да кости.

— Ну и пусть, мама, от меня остались перья да кости. Я хочу знать, что я могу делать в воздухе, а чего не могу. Я просто хочу знать.

— Послушай-ка, Джонатан, — говорил ему отец без тени

недоброжелательности. — Зима не за горами. Рыболовные суда будут появляться все реже, а рыба, которая теперь плавает на поверхности, уйдет в глубину. Если тебе непременно хочется учиться, изучай пищу, учись ее добывать. Полеты — это, конечно очень хорошо, но одними полетами сыт не будешь. Не забывай, что ты летаешь ради того, чтобы есть.

Джонатан покорно кивнул. Несколько дней он старался делать то же, что все остальные, старался изо всех сил: пронзительно кричал и дрался с сородичами у пирсов и рыболовных судов, нырял за кусочками рыбы и хлеба. Но у него ничего не получалось.

«Какая бессмыслица, — подумал он и решительно швырнул с трудом добытого анчоуса старой чайке, которая гналась за ним. — Я мог бы потратить все это время на то, чтобы учиться летать. Мне нужно узнать еще так много!»

И вот уже Джонатан снова один далеко в море — голодный, радостный, пытливый.

Он изучал скорость полета и за неделю тренировок узнал о скорости больше, чем самая быстролетная чайка на этом свете.

Поднявшись на тысячу футов над морем, он бросился в крутое пикирование, изо всех сил махая крыльями, и понял, почему чайки пикируют, сложив крылья. Всего через шесть секунд он уже летел со скоростью семьдесят миль в час, со скоростью, при которой крыло в момент взмаха теряет устойчивость.

Раз за разом одно и то же. Как он ни старался, как ни напрягал силы, достигнув высокой скорости, он терял управление.

Подъем на тысячу футов. Мощный рывок вперед, переход в пикирование, напряженные взмахи крыльев и отвесное падение вниз. А потом каждый раз его левое крыло вдруг замирало при взмахе вверх, он резко кренился влево, переставая махать правым крылом, чтобы восстановить равновесие, и, будто пожираемый пламенем, кувырком через правое крыло входил в штопор.

Несмотря на все старания, взмах вверх не удавался. Он сделал десять попыток, и десять раз, как только скорость превышала семьдесят миль в час, он обращался в неуправляемый комок взъерошенных перьев и камнем летел в воду.

«Все дело в том, — понял, наконец, Джонатан, когда промок до последнего перышка, — все дело в том, что при больших скоростях нужно держать раскрытые крылья в одном положении — махать, пока скорость не достигнет пятидесяти миль в час, а потом держать в одном положении».

Он поднялся на две тысячи футов и попытался еще раз: входя в пикирование, он вытянул клюв вниз и раскинул крылья, а когда достиг скорости пятьдесят миль в час, перестал шевелить ими. Это потребовало невероятного напряжения, но он достиг своего. Десять секунд он мчался неуловимой тенью со скоростью девяносто миль в час. Джонатан установил мировой рекорд скоростного полета для чаек!

Но он не долго упивался победой. Как только он попытался выйти из пикирования, как только он слегка изменил положение крыльев, его подхватил тот же безжалостный неодолимый вихрь, но мчал его со скоростью девяносто миль в час и разрывал на куски, как заряд динамита. Невысоко над морем Джонатан-Чайка не выдержал и рухнул на твердую, как камень воду.

Когда он пришел в себя, была уже ночь, он плыл в лунном свете по глади океана. Изодранные крылья были налиты свинцом, но бремя неудачи легло на его спину еще более тяжким грузом. У него появилось смутное желание, чтобы этот груз незаметно увлек его на дно, и тогда, наконец, все будет кончено.

Он начал погружаться в воду и вдруг услышал незнакомый глухой голос где-то в себе самом: «У меня нет выхода. Я чайка. Я могу только то, что могу. Родись я, чтобы узнать так много о полетах, у меня была бы не голова, а вычислительная машина. Родись я для скоростных полетов, у меня были бы короткие крылья, как у сокола, и я питался бы мышами, а не рыбой. Мой отец прав. Я должен забыть об этом безумии. Я должен вернуться домой, к своей Стае, и довольствоваться тем, что я такой, какой есть — жалкая, слабая чайка».

Голос умолк, и Джонатан смирился. «Ночью — место чайки на берегу, и отныне, — решил он, — я не буду ни чем отличаться от других. Так будет лучше для нас всех».

Он устало оттолкнулся от темной воды и полетел к берегу, радуясь, что успел научиться летать на небольшой высоте с минимальной затратой сил.

«Но нет, — подумал он. — Я отказался от жизни, я отказался от всего, чему научился. Я такая же чайка, как все остальные, и я буду летать так, как летают чайки». С мучительным трудом он поднялся на сто футов и энергичнее замахал крыльями, торопясь домой.

Он почувствовал облегчение оттого, что принял решение жить, как живет Стая. Распались цепи, которыми он приковал себя к колеснице познания: не будет борьбы, не будет и поражений. Как приятно перестать думать и лететь в темноте к береговым огням.

— Темнота! — раздался вдруг тревожный глухой голос. — Чайки никогда не летают в темноте!

Но Джонатану не хотелось слушать. «Как приятно, — думал он. — Луна и отблески света, которые играют на воде и прокладывают в ночи дорожки сигнальных огней, и кругом все так мирно и спокойно...»

— Спустись! Чайки никогда не летают в темноте. Родись ты, чтобы летать в темноте, у тебя были бы глаза совы! У тебя была бы не голова, а вычислительная машина! У тебя были бы короткие крылья сокола!

Там, в ночи, на высоте ста футов, Джонатан Ливингстон прищурил глаза. Его боль, его решение — от них не осталось и следа.

Короткие крылья. **КОРОТКИЕ КРЫЛЬЯ СОКОЛА!**

Вот в чем разгадка! «Какой же я дурак! Все, что мне нужно, — это крошечное, совсем маленькое крыло; все, что мне нужно, — это почти полностью сложить крылья и во время полета двигать одними только кончиками. Короткие крылья!

Он поднялся на две тысячи футов над черной массой воды и, не задумываясь ни на мгновение о неудаче, о смерти, плотно прижал к телу широкие части крыльев, подставил ветру только узкие, как кинжалы, концы — перо к перу — вошел в отвесное пике.

Ветер оглушительно ревел у него над головой. Семьдесят миль в час, девяносто, сто двадцать, еще быстрее! Сейчас, при скорости сто сорок миль в час он не чувствовал такого напряжения, как раньше при семидесяти, едва заметного движения концами крыльев оказалось достаточно, чтобы выйти из пике, и он пронесся

над волнами как пушечное ядро, серое при свете луны.

Он сощурился, чтобы защитить глаза от ветра, и его охватила радость. «Сто сорок миль в час! Не теряя управления! Если я начну пикировать с пяти тысяч футов, а не с двух, интересно, с какой скоростью...»

Благие намерения позабыты, унесены стремительным, ураганным ветром. Но он не чувствовал угрызений совести, нарушив обещание, которое только что дал самому себе. Такие обещания связывают чаек, удел которых — заурядность. Для того, кто стремится к знанию и однажды достиг совершенства, они не имеют значения.

На рассвете Джонатан возобновил тренировку. С высоты пяти тысяч футов рыболовные суда казались щепочками на голубой поверхности моря, а Стая за завтраком — легким облаком пляшущих пылинок.

Он был полон сил и лишь слегка дрожал от радости, он был горд, что сумел побороть страх. Не раздумывая он прижал к телу переднюю часть крыльев, подставил кончики крыльев — маленькие уголки! — ветру и бросился в море. Пролетев четыре тысячи футов, Джонатан достиг предельной скорости, ветер превратился в плотную вибрирующую стену звуков, которая не позволяла ему двигаться быстрее. Он летел отвесно вниз со скоростью двести четырнадцать миль в час. Он прекрасно понимал, что если его крылья раскроются на такой скорости, то он, чайка, будет разорван на миллион клочков... Но скорость — это мощь, скорость — это радость, скорость — это незамутненная красота.

На высоте тысячи футов он начал выходить из пике. Концы его крыльев были смяты и изуродованы ревающим ветром, судно и стая чаек накренились и с фантастической скоростью вырастали в размерах, преграждали ему путь.

Он не умел останавливаться, он даже не знал, как повернуть на такой скорости. Столкновение — мгновенная смерть.

Он закрыл глаза.

Так случилось в то утро, что на восходе солнца Джонатан Ливингстон, закрыв глаза, достиг скорости двести четырнадцать миль в час и под оглушительный свист ветра и перьев врезался в самую гущу Стаи за завтраком. Но Чайка удачи на этот раз улыбнулась ему — никто не погиб.

В ту минуту, когда Джонатан поднял клюв в небо, он все еще мчался со скоростью сто шестьдесят миль в час. Когда ему удалось снизить скорость до двадцати миль в час, судно находилось на расстоянии четырех тысяч футов позади него и казалось точкой на поверхность моря.

Он понимал, что это триумф! Предельная скорость! ДВЕСТИ ЧЕТЫРНАДЦАТЬ МИЛЬ в час для чайки! Это был прорыв, незабвенный, неповторимый миг в истории Стаи и начало новой эры в жизни Джонатана. Он продолжал свои одинокие тренировки, он складывал крылья и пикировал с высоты восемь тысяч футов и скоро научился делать повороты.

Он понял, что на огромной скорости достаточно на долю дюйма изменить положение хотя бы одного пера на концах крыльев, и уже получается широкий плавный разворот. Но задолго до этого он понял, что если на такой скорости изменить положение хотя бы двух перьев, и уже тело начинает вращаться, как ружейная пуля, и... Джонатан был первой чайкой на земле, которая научилась выполнять фигуры высшего пилотажа.

В тот день он не стал тратить время на болтовню с другими чайками, солнце давно село, а он все летал и летал. Ему удалось сделать мертвую петлю, замедленную

бочку, многовитковую бочку, перевернутый штопор, обратный иммельман, вираж.

Была уже глухая ночь, когда Джонатан подлетел к стае на берегу. У него кружилась голова, он смертельно устал. Но, снижаясь, он с радостью сделал мертвую петлю, а перед тем, как приземлиться, еще и быструю бочку. «Когда они услышат об этом, — он думал о Прорыве, — они обезумеют от радости. Насколько полнее станет теперь жизнь! Вместо того, чтобы уныло сновать между берегом и рыболовными судами — знать, зачем живешь! Мы покончим с невежеством, мы станем существами, которым доступно совершенство и мастерство. Мы станем свободными! МЫ НАУЧИМСЯ ЛЕТАТЬ!»

Будущее было заполнено до предела, оно сулило столько заманчивого!

Когда он приземлился, все чайки были уже в сборе, потому что начинался Совет, видимо, они собрались уже довольно давно. На самом деле они ждали.

— Джонатан Ливингстон! Выйди на середину!

Слова Старейшего звучали торжественно. Приглашение выйти на середину означало или величайший позор, или величайшую честь. Круг Чести — это дань признательности, которую чайки платили своим великим вождям. "Ну, конечно, — подумал он, — утро, Стая за завтраком, они видели Прорыв! Но мне не нужно почести. Я не хочу быть вождем. Я хочу только поделиться тем, что я узнал, показать им, какие дали открываются перед нами". Он сделал шаг вперед.

— Джонатан Ливингстон, — сказал Старейший, — выйди на середину, ты покрыл себя Позором перед лицом твоих соплеменников.

Его будто ударили доской! Колени ослабели, перья обвисли, в ушах зашумело. Круг позора? Не может быть! Прорыв! Они не поняли! Они ошиблись!

—... своим легкомыслием и безответственностью, — текла торжественная речь, — тем, что попрал достоинство и обычаи Семьи Чаек ...

Круг Позора означает изгнание из Стаи, его приговаривают жить в одиночестве на Дальних Скалах.

—... настанет день, Джонатан Ливингстон, когда ты поймешь, что безответственность не может тебя прокормить. Нам не дано постигнуть смысл жизни, ибо он непостижим, нам известно только одно: мы брошены в этот мир, чтобы есть и оставаться в живых до тех пор, пока у нас хватает сил.

Чайки никогда не возражают своему Совету Стаи, но голос Джонатана нарушил тишину.

— Безответственность!? Собратья! — воскликнул он. — Кто более ответствен, чем чайка, которая открывает, в чем значение, в чем высший смысл жизни, и никогда не забывает об этом? Тысячу лет мы рыщем в поисках рыбьих голов, но сейчас понятно, наконец, зачем мы живем: чтобы познавать, открывать новое, быть свободными! Дайте мне возможность, позвольте мне показать вам, чему я научился.

Стая будто окаменела.

— Ты нам больше не Брат, — хором нараспев проговорили чайки, величественно все разом закрыли уши и повернулись к нему спинами.

Джонатан провел остаток своих дней один, но он улетал на много миль от дальних скал. И не одиночество его мучило, а то, что чайки не захотели поверить в радость полета, не захотели открыть глаза и увидеть!

Каждый день он узнавал что-то новое. Он узнал, что, придав телу обтекаемую форму, он может перейти в скоростное пикирование и добыть редкую вкусную рыбу из той, что плавает в океане на глубине десяти футов, он больше не нуждался в

рыболовных судах и в черством хлебе. Он научился спать в воздухе, научился не сбиваться с курса ночью, когда ветер дует с берега, и мог пролетать сотни миль от заката до восхода солнца. С таким же самообладанием он летал в плотном морском тумане и прорывался сквозь него к чистому, ослепительно сияющему небу... в то самое время, когда другие чайки жались к земле, не подозревая, что на свете существует что-то, кроме тумана и дождя. Он научился залетать вместе с сильным ветром далеко вглубь материка и ловить на обед аппетитных насекомых.

Он радовался один тем радостям, которыми надеялся когда-то поделиться со Стаей, он научился летать и не жалел о цене, которую за это заплатил. Джонатан понял, почему так коротка жизнь чаек: ее съедают скука, страх и злоба, но он забыл о скуке, страхе и злобе и прожил долгую счастливую жизнь.

А потом однажды вечером, когда Джонатан спокойно и одиноко парил в небе, которое он так любил, прилетели они. Две белые чайки, которые появились около его крыльев, сияли как звезды и освещали ночной мрак мягким ласкающим светом. Но еще удивительней было их мастерство: они летели, неизменно сохраняя расстояние точно в один дюйм между своими и его крыльями.

Не проронив ни слова, Джонатан подверг их испытанию, которого ни разу не выдержала ни одна чайка. Он изменил положение крыльев так, что скорость полета резко замедлилась: еще на милю в час меньше — и падение неизбежно. Две сияющие птицы, не нарушая дистанции, плавно снизили скорость одновременно с ним. Они умели летать медленно!

Он сложил крылья, качнулся из стороны в сторону и бросился в пики со скоростью сто девяносто миль в час. Они неслись вместе с ним, безупречно сохраняя строй.

Наконец он на той же скорости перешел в длинную вертикальную замедленную бочку. Они улыбнулись и сделали бочку одновременно с ним.

Он перешел в горизонтальный полет, некоторое время летел молча, а потом сказал:

— Прекрасно. — И спросил: — Кто вы?

— Мы из твоей Стаи, Джонатан, мы твои братья. — Они говорили спокойно и уверенно. — Мы прилетели, чтобы позвать тебя выше, чтобы позвать тебя домой.

— Дома у меня нет. Стаи у меня нет. Я Изгнанник. Мы летим сейчас на вершину Великой Горы Ветров. Я могу поднять свое дряхлое тело еще на несколько сот футов, но не выше.

— Ты можешь подняться выше, Джонатан, потому что ты учился. Ты окончил одну школу, теперь настало время начать другую.

Эти слова сверкали перед ним всю его жизнь, поэтому Джонатан понял, понял мгновенно. Они правы. Он МОЖЕТ летать выше, и ему ПОРА возвращаться домой.

Он бросил последний долгий взгляд на небо, на эту великолепную серебряную страну, где он так много узнал.

— Я готов, — сказал он наконец.

И Джонатан Ливингстон поднялся ввысь с двумя чайками, яркими, как звезды, и исчез в непроницаемой темноте неба.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ТАК ЭТО И ЕСТЬ НЕБЕСА», —

подумал он и не мог не улыбнуться про себя. Наверное, это не очень почтительно — размышлять, что такое небеса, едва ты сам там появился.

Теперь, когда он расстался с Землей и поднялся над облаками крыло к крылу с двумя лучезарными чайками, он заметил, что его тело постепенно становится таким же лучистым. Конечно, оно принадлежало все тому же молодому Джонатану, который всегда жил за зрачками его золотистых глаз, но внешне оно переменилось.

Оно осталось телом чайки и все-таки никогда прежде Джонатану не леталось так хорошо. «Как странно, — думал он, — я трачу вдвое меньше усилий, а лечу вдвое быстрее, я в силах сделать вдвое больше, чем в мои лучшие дни на Земле!»

Его белые перья сверкали и искрились, а крылья стали безукоризненно гладкими, как отполированные серебряные пластинки. Он с восторгом начал изучать их и прилагать силу своих мускулов к этим новым крыльям.

Достигнув скорости двести пятьдесят миль в час, он почувствовал, что приближается к максимальной скорости горизонтального полета. Достигнув двухсот семидесяти трех миль, он понял, что быстрее лететь не в силах, и испытал некоторое разочарование. Возможности его нового тела тоже были ограничены, правда, ему удалось значительно превзойти свой прежний рекорд, но предел все-таки существовал, и, чтобы его превзойти, нужны были огромные усилия. «На небесах, — думал он, — не должно быть никаких пределов».

Облака расступились, его провожатые прокричали:

— Счастливой посадки, Джонатан! — и исчезли в прозрачном воздухе.

Он летел над морем к изрезанному гористому берегу. Пять-шесть чаек отрабатывали взлеты на скалах. Далеко на севере, у самого горизонта, летало еще несколько чаек. Новые дали, новые мысли, новые вопросы. «Почему так мало чаек? На небесах должны быть стаи и стаи чаек. И почему я вдруг так устал? На небесах чайки как будто никогда не устают и никогда не спят».

Где он об этом слышал? События его земной жизни отодвигались все дальше и дальше. Он многому научился на Земле, это верно, но подробности припоминались с трудом: кажется, чайки дрались из-за пищи, и он был Изгнанником.

Когда он приблизился к берегу, дюжина чаек взлетела ему навстречу, но ни одна из них не проронила ни слова. Он только чувствовал, что они рады ему, и что здесь он дома. Этот день был очень длинным, таким длинным, что он успел забыть, когда вошло солнце.

Он развернулся, чтобы приземлиться, взмахнул крыльями, застыл в воздухе на высоте одного дюйма и мягко опустился на песок. Другие чайки тоже приземлились, но им для этого достаточно было лишь слегка шевельнуть перьями. Они раскрыли свои белоснежные крылья, покачались на ветру и, меняя положение перьев, остановились в то самое мгновение, когда их лапы коснулись земли. Это был прекрасный маневр, но Джонатан слишком устал, чтобы попробовать его повторить. Он все еще не произнес ни слова, заснул, стоя на берегу.

В первые же дни Джонатан понял, что здесь ему предстоит узнать о полете не меньше нового, чем он узнал в своей прежней жизни. Но разница все-таки была. Здесь жили чайки-единомышленники. Каждая из них считала делом своей жизни постигать тайны полета, стремиться к совершенству полета, потому что полет — это

то, что они любили больше всего на свете. Это были удивительные птицы, все без исключения, и каждый день они час за часом отработывали технику движений в воздухе и испытывали новые приемы пилотирования.

Джонатан, казалось, забыл о том мире, откуда он прилетел, и о том месте, где жила Стая, которая не знала радостей полета и пользовалась крыльями только для добывания, пищи и для борьбы за пищу. Но иногда он вдруг вспоминал.

Он вспомнил о родных местах однажды утром, когда остался вдвоем со своим наставником и отдыхал на берегу после нескольких быстрых бочек, которые он делал со сложенными крыльями.

— Салливан, а где все остальные? — спросил он беззвучно, потому что вполне освоился с несложными приемами телепатии здешних чаек, которые никогда не кричали и не бранились. — Почему нас здесь так мало? Знаешь, там, откуда я прилетел, жили...

— ... тысячи тысяч чаек. Я знаю. — Салливан кивнул. — Мне, Джонатан, приходит в голову только один ответ. Такие птицы, как ты — редчайшее исключение. Большинство из нас движется вперед так медленно. Мы переходим из одного мира в другой, почти такой же, и тут же забываем, откуда мы пришли, нам все равно, куда нас ведут, нам важно только то, что происходит сию минуту. Ты представляешь, сколько жизней мы должны прожить, прежде чем у нас появится первая смутная догадка, что жизнь не исчерпывается едой, борьбой и властью в Стае. Тысячи жизней, Джон, десять тысяч! А потом еще сто жизней, прежде чем мы начинаем понимать, что существует нечто, называемое совершенством, и еще сто, пока мы убеждаемся: смысл жизни в том, чтобы достигнуть совершенства и рассказать об этом другим. Тот же закон, разумеется, действует и здесь: мы выбираем следующий мир в согласии с тем, чему мы научились в этом. Если мы не научились ничему, следующий мир окажется таким же, как этот, и нам придется снова преодолевать те же преграды с теми же свинцовыми гириями на лапах.

Он расправил крылья и повернулся лицом к ветру.

— Но ты, Джон, сумел узнать так много и с такой быстротой, — продолжал он, — что тебе не пришлось прожить тысячу жизней, чтобы оказаться здесь.

И вот они уже снова поднялись в воздух, тренировка возобновилась. Сделать бочку вдвоем трудно, потому что в перевернутом положении Джонатану приходилось, летя вверх лапами, соображать, как выгнуть крылья, чтобы выполнить оставшуюся часть оборота, сохраняя безупречную согласованность движений со своим учителем.

— Попробуем еще раз, — снова повторял Салливан. — Попробуем еще раз. — И наконец: — Хорошо!

Тогда они начали отработывать внешнюю петлю.

Однажды вечером чайки, которые не улетели в ночной полет, стояли все вместе на песке, они думали. Джонатан собрался с духом и подошел к Старейшему — чайке, которая, как говорили, собиралась вскоре расстаться с этим миром.

— Чианг... — начал он, немного волнуясь. Старая чайка ласково взглянула на него:

— Что, сын мой?

С годами Старейший не только не ослабел, а, наоборот, стал еще сильнее, он летал быстрее всех чаек в Стае и владел в совершенстве такими приемами, которые остальные еще только осваивали.

— Чианг, этот мир... это вовсе не небеса?

При свете луны было видно, что Старейший улыбнулся.

— Джонатан, ты снова учишься, — сказал он.

— Да. А что ждет нас впереди? Куда мы идем? Разве нет такого места — небеса?

— Нет, Джонатан, такого места нет. Небеса — это не место и не время. Небеса — это достижение совершенства. — Он помолчал. Ты, кажется, летаешь очень быстро?

— Я... я очень люблю скорость, — сказал Джонатан. Он был поражен — и горд! — тем, что Старейший заметил его.

— Ты приблизишься к небесам, Джонатан, когда приблизишься к совершенной скорости. Это не значит, что ты должен пролететь тысячу миль в час, или миллион, или научиться летать со скоростью света. Потому что любая цифра — это предел, а совершенство не знает предела. Достигнуть совершенной скорости, сын мой, — это значит оказаться там.

— Не прибавив ни слова, Чианг исчез и тут же появился у кромки воды, в пятидесяти футах от прежнего места. Потом он снова исчез и через тысячную долю секунды уже стоял рядом с Джонатаном.

— Это просто шутка, — сказал он.

Джонатан не мог прийти в себя от изумления. Он забыл, что хотел расспросить Чианга про небеса.

Как тебе это удастся? Что ты чувствуешь, когда так летишь?

Какое расстояние ты можешь пролететь?

— Пролететь можно любое расстояние в любое время, стоит только захотеть, — сказал Старейший. — Я побывал всюду и везде, куда проникала моя мысль. — Он смотрел на морскую гладь. — Странно: чайки, которые отвергают совершенство во имя путешествий, не улетают никуда, где им копушам! А те, кто отказывается от путешествий во имя совершенства, летают по всей Вселенной, как метеоры. Запомни, Джонатан, небеса — это не какое-то определенное место или время, потому что ни место, ни время не имеют значения. Небеса — это...

— Ты можешь научить меня так летать?

Джонатан дрожал, предвкушая радость еще одной победы над неведомым.

— Конечно, если ты хочешь научиться.

— Хочу. Когда мы начнем?

— Можно начать сейчас, если ты не возражаешь.

— Я хочу научиться летать, как ты, — проговорил Джонатан, и в его глазах появился странный огонек. — Скажи, что я должен делать.

Чианг говорил медленно, зорко вглядываясь в своего молодого друга.

— Чтобы летать с быстротой мысли, или, говоря иначе, летать куда хочешь, — начал он, — нужно прежде всего понять, что ты уже прилетел...

Суть дела, по словам Чианга заключалась в том, что Джонатан должен отказаться от представления, будто он узник своего тела с размахом крыльев сорок два дюйма и ограниченным набором заранее запрограммированных возможностей. Суть в том, чтобы понять: его истинное «я», совершенное, как ненаписанное число, живет одновременно в любой точке пространства в любой момент времени.

Джонатан тренировался упорно, ожесточенно, день за днем, с восхода солнца до полуночи. И, несмотря на все усилия, ни на перышко не сдвинулся с места.

— Забудьте о вере! — твердил Чианг. — Разве тебе нужна была вера, чтобы

научиться летать? Тебе нужно было понять, что такое полет. Сейчас ты должен делать то же самое. Попробуй еще раз...

А потом однажды, когда Джонатан стоял на берегу с закрытыми глазами и старался сосредоточиться, он вдруг понял, о чем говорил Чианг. «Конечно, Чианг прав! Я сотворен совершенным, мои возможности безграничны, я — Чайка!». Он почувствовал могучий прилив радости.

— Хорошо! — сказал Чианг, и в его голосе прозвучало торжество. Джонатан открыл глаза. Они были одни — он и Старейший, на совершенно незнакомом морском берегу: деревья подступали к самой воде, над головой висели два желтых близнеца — два солнца.

— Наконец-то ты понял, — сказал Чианг, — но тебе нужно еще поработать над управлением...

Джонатан не мог прийти в себя от изумления.

— Где мы?

Необычный пейзаж не произвел на старейшего никакого впечатления, как и вопрос Джонатана.

— Очевидно, на какой-то планете с зеленым небом и двойной звездой вместо солнца.

Джонатан испустил радостный клич — первый звук с тех пор, как он покинул Землю:

— ПОЛУЧАЕТСЯ!

— Разумеется, Джон, разумеется, получается, — сказал Чианг. — Когда знаешь, что делаешь, всегда получается. А теперь об управлении...

Они вернулись уже в темноте. Чайки не могли отвести взгляда от Джонатана, в их золотистых глазах застыл ужас: они видели, как его вдруг не стало на том месте, где он провел столько времени в полной неподвижности.

Но Джонатан недолго принимал их поздравления.

— Я здесь новичок! Я только начинаю! Это мне надо учиться у вас!

— Как странно, Джон, — сказал Салливан, стоявший рядом с ним. — За десять тысяч лет я не встретил ни одной чайки, которая училась с таким же бесстрашием, как ты.

Стая молчала. Джонатан в смущении переступал с лапы на лапу.

— Если хочешь, мы можем начать работать над временем, — заговорил Чианг, — и ты научишься летать в прошлое и будущее. Тогда ты будешь подготовлен к тому, чтобы приступить к самому трудному, самому дерзновенному, самому интересному. Ты будешь подготовлен к тому, чтобы летать ввысь, и поймешь, что такое доброта и любовь.

Прошел месяц или около месяца. Джонатан делал невероятные успехи. Он всегда быстро продвигался вперед даже с помощью обычных тренировок, но сейчас, под руководством самого Старейшего, он воспринимал новое, как обтекаемая, покрытая перьями вычислительная машина.

А потом настал день, когда Чианг исчез. Он спокойно беседовал с чайками и убеждал их постоянно учиться и тренироваться, и стремиться как можно глубже понять всеобъемлющую невидимую основу вечной жизни. Он говорил, а его перья становились все ярче и ярче и, наконец, засияли так ослепительно, что ни одна чайка не могла смотреть на него.

— Джонатан, — сказал он, и это были его последние слова, — постарайся

постигнуть, что такое любовь.

Когда к чайкам вернулось зрение, Чианга с ними уже не было.

Дни шли за днями, и Джонатан заметил, что он все чаще думает о Земле, которую покинул. Знай он там одну десятую, одну сотую того, что узнал здесь, насколько полнее была бы его жизнь! Он стоял на песке и думал: что если там на Земле, есть чайка, которая пытается вырваться из оков своего естества, пытается понять, что могут дать крылья, кроме возможности долететь до рыболовного судна и схватить корку хлеба. Быть может, она даже решилась сказать об этом во всеуслышание, и Стая приговорила ее к Изгнанию. И чем больше Джонатан упражнялся в проявлении доброты, чем больше он трудился над познанием природы любви, тем сильнее ему хотелось вернуться на Землю. Потому что, несмотря на свое одинокое прошлое, Джонатан был прирожденным наставником, и его любовь проявлялась прежде всего в стремлении поделиться добытой им правдой с каждой чайкой, которая ждала только благоприятного случая, чтобы тоже ринуться на поиски правды.

Салливан, который за это время овладел полетами со скоростью мысли и уже помогал другим, не одобрил замыслов Джонатана.

— Джон, тебя некогда приговорили к Изгнанию. Почему ты думаешь, что те же чайки захотят тебя слушать сейчас? Ты знаешь поговорку и знаешь, что она справедлива: **ЧЕМ ВЫШЕ ЛЕТИТ ЧАЙКА, ТЕМ ОНА ДАЛЬШЕ ВИДИТ**. Чайки, от которых ты улетел, стоят на земле, они кричат и дерутся друг с другом. Они живут за тысячу миль от небес, а ты говоришь, что хочешь показать им небеса — оттуда, с земли! Да ведь они, Джон, не могут разглядеть концов своих собственных крыльев. Оставайся здесь, помогай здесь новым чайкам, помогая тем, кто взлетел достаточно высоко, чтобы увидеть то, о чем ты хочешь им рассказать. — Он немного помолчал и добавил. — Что, если бы Чианг вернулся в свой старый мир? Где бы ты сам находился сегодня?

Последний довод был самым убедительным. Конечно, Салливан прав. Чем выше летает Чайка, тем дальше она видит.

Джонатан остался и занимался с новыми птицами, которые прилетали на небеса, они все были способными и быстро усваивали то, что им объясняли. Но к нему вернулось прежнее беспокойство, он не мог избавиться от мысли, что на Земле, наверное, живут одна-две чайки, которые тоже могли бы учиться. Несколько больше знал бы он сейчас, появись Чианг рядом с ним в те дни, когда он был Изгнанником!

— Салли, я должен вернуться, — сказал он в конце концов. — У тебя прекрасные ученики. Они помогут тебе справиться с новичками.

Салливан вздохнул, но не стал возражать.

— Боюсь, Джонатан, что я буду скучать по тебе. — Вот и все, что он сказал.

— Салли, как тебе не стыдно! — с упреком воскликнул Джонатан. — Разве можно говорить такие глупости! Чем мы с тобой занимаемся изо дня в день? Если наша дружба зависит от таких условностей, как пространство и время, значит мы сами разрушим наше братство в тот миг, когда сумеем преодолеть пространство и время! Но, преодолевая пространство, что мы покидаем — это здесь. А преодолевая время, мы покидаем только сейчас. Неужели ты думаешь, что мы не сможем повидаться один-два раза где-нибудь в промежутке между тем, что называется здесь и сейчас?

Салливан невольно рассмеялся.

— Ты совсем помешался, — сказал он ласково. — Если кто-нибудь в силах

показать хоть одной живой душе на земле, как охватить глазом тысячу миль, это наверняка Джонатан Ливингстон. — Он смотрел на песок. — До свидания, Джон, до свидания, друг.

— До свидания, Салли. Мы еще встретимся.

Произнеся эти слова, Джонатан тут же увидел внутренним взором огромные стаи чаек на берегах другого времени и с привычной легкостью ощутил: нет, он не перья да кости, он — совершенное воплощение идеи свободы и полета, его возможности безграничны.

Флетчер Линд был еще очень молодой чайкой, но он уже знал, что не было на свете птицы, которой пришлось бы терпеть такое жестокое обращение Стаи и столько несправедливости!

«Мне все равно, что они говорят, — думал он, направляясь к Дальним Скалам. Он кипел от негодования, его взгляд помутился,— Летать — это вовсе не значит махать крыльями, чтобы перемещаться с места на место. Это умеет даже... даже КОМАР. Какая-то одна бочка вокруг Старейшей Чайки, просто так, в шутку, и я — Изгнанник! Что они, слепы? Неужели они не видят? Неужели они не понимают это, как мы прославимся, если, в самом деле, научимся летать?»

Мне все равно, что они обо мне думают. Я покажу им, что значит летать. Пусть я буду одиноким Изгнанником, если им так хочется. Но они пожалеют об этом, еще как пожалеют...»

Голос проник в его голову, и хотя это был очень тихий голос, Флетчер так испугался, что вздрогнул и застыл в воздухе:

— Не сердись на них, Флетчер! Изгнав тебя, они причинили вред только самим себе, и когда-нибудь они это узнают, когда-нибудь они увидят то, что видишь ты. Прости их и помоги им понять.

На расстоянии дюйма от конца его правого крыла летела ослепительно белая, самая белая чайка на свете, она скользила рядом с Флетчером без малейших усилий, не шевеля ни перышком, хотя Флетчер летел почти на предельной скорости.

На мгновение у молодого Флетчера все смешалось в голове.

«Что со мной происходит? Я сошел с ума? Что это значит?»

Негромкий спокойный голос вторгся в его мысли и требовал ответа.

— Чайка Флетчер Линд, ты хочешь летать?

— Да, Я ХОЧУ ЛЕТАТЬ!

— Чайка Флетчер Линд, так ли сильно ты хочешь летать, что готов простить Стаю и учиться и однажды вернуться к ним и постараться помочь им узнать то, что знаешь сам?

Такому искусному, такому ослепительному существу нельзя было солгать, какой бы гордой птицей ни был Флетчер, как бы сильно его ни оскорбили.

— Да, — сказал он едва слышно.

— Тогда, Флетчер, — обратилось к нему сияющее создание с ласковым голосом, — давай начнем с Горизонтального Полета...

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

ДЖОНАТАН МЕДЛЕННО КРУЖИЛ над Дальними Скалами, он наблюдал. Этот неотесанный молодой Флетчер оказался почти идеальным учеником. В воздухе он был сильным, ловким и подвижным, но главное — он горел желанием учиться летать.

Только что он мелькнул рядом — с оглушительным шумом взерошенный серый комок вынырнул из пике и пронесся мимо учителя со скоростью 150 миль в час. Внезапный рывок, и вот он уже выполняет другое упражнение — шестнадцативитковую вертикальную замедленную бочку — и считает витки вслух:

-... восемь... девять... десять... ой, Джонатан, я выхожу за пределы скорости... одиннадцать... я хочу остановиться также красиво и точно, как ты... черт побери, я никак не могу сделать... тринадцать... эти последние три витка... без... четыр... а-а-а!

Очередная неудача — Флетчер «сел на хвост» — вызвала особенно бурный взрыв гнева и ярости. Флетчер опрокинулся на спину, и его безжалостно закрутило и завертело в обратном штопоре, а когда он, наконец, выровнялся, жадно хватая ртом воздух, оказалось, что он летит на сто футов ниже своего наставника.

— Джонатан, ты попусту тратишь время! Я тупица! Я болван! Я зря стараюсь, у меня все равно ничего не получится!

Джонатан взглянул вниз и кивнул.

— Конечно, не получится, пока ты будешь останавливаться так резко. В самом начале ты потерял 40 миль в час! Нужно делать то же самое, только плавно! Уверенно, но плавно, понимаешь, Флетчер?

Джонатан снизился и подлетел к молодой чайке.

— Попробуем еще раз вместе, крыло к крылу. Обрати внимание на остановку. Останавливайся плавно, начинай фигуры без рывков.

К концу третьего месяца у Джонатана появилось еще шесть учеников — все шестеро Изгнанники, увлеченные новой странной идеей: летать ради радостей полета. Но даже им легче было выполнить самую сложную фигуру, чем понять, в чем заключается сокровенный смысл их упражнений.

— На самом деле каждый из вас воплощает идею Великой Чайки, всеобъемлющую идею свободы, — говорил Джонатан по вечерам, стоя на берегу, — и безошибочность полета — это еще один шаг, приближающий нас к выражению нашей подлинной сущности. Для нас не должно существовать никаких преград. Вот почему мы стремимся овладеть высокими скоростями, и малыми скоростями, и фигурами высшего пилотажа...

... А его ученики, измученные дневными полетами, засыпали. Им нравились практические занятия, потому что скорость пьянила и потому что тренировки помогали утолять жажду знания, которая становилась все сильнее после каждого занятия. Но ни один из них — даже Флетчер Линд — не мог себе представить, что полет и день — такая же реальность, как ветер, как полет птицы.

— Все ваше тело от кончика одного крыла до кончика другого, — снова и снова повторял Джонатан, — это ни что иное, как ваша мысль, выраженная в форме, доступной вашему зрению. Разбейте цепи, сковывающие вашу мысль, и вы разобьете цепи, сковывающие ваше тело...

Но какие бы примеры он ни приводил, ученики воспринимали его слова как занятную выдумку, а им больше всего хотелось спать.

Хотя прошел всего только месяц, Джонатан сказал, что им пора вернуться в Стаю.

— Мы еще не готовы! — воскликнул Генри Кэлвин. — Они не желают нас видеть! Мы Изгнанники! Разве можно навязывать свое присутствие тем, кто не желает тебя видеть?

— Мы вправе лететь, куда хотим, и быть такими, какими мы созданы, — ответил ему Джонатан. Он поднялся в воздух и повернул на восток, к родным берегам, где жила Стая.

Несколько минут ученики в растерянности не знали, что делать, потому что закон Стаи гласил: «Изгнанники никогда не возвращаются», и за десять тысяч лет этот закон ни разу не был нарушен. Закон говорил: оставайтесь. Джонатан говорил: полетим, и он уже летел над морем в миле от них. Если они задержатся еще немного, он встретится с враждебной Стаей один на один.

— Почему мы должны подчиняться закону, если нас все равно изгнали из Стаи? — растерянно спросил Флетчер. — А если завяжется бой, от нас будет гораздо больше пользы там, чем здесь.

Так они прилетели в то утро с запада — восемь чаек в строю двойным ромбом, почти касаясь крыльями друг друга. Они пересекли Берег Совета Стаи со скоростью 130 миль в час: Джонатан впереди, Флетчер плавно скользил у его правого крыла, а Генри Кэлвин отважно боролся с ветром у левого. Потом, сохраняя строй, они все вместе медленно накренились вправо... выровнялись... перевернулись вверх лапами... выровнялись, а ветер безжалостно хлестал всех восьмерых.

Обыденные громкие ссоры и споры на берегу внезапно стихли, восемь тысяч глаз уставились, не мигая, на отряд Джонатана, как будто чайки увидели гигантский нож, занесенный над их головами. Восемь птиц одна за другой взмыли вверх, сделали мертвую петлю и, сбавив скорость до предела, не качнувшись, опустились на песок. Затем Джонатан как ни в чем ни бывало приступил к разбору ошибок.

— Начнем с того, — сказал он с усмешкой, — что вы все заняли свое место в строю с некоторым опозданием...

Одна и та же мысль молнией облетела Стаю. Все эти птицы — Изгнанники! И они — вернулись! Но это... этого не может быть! Флетчер напрасно опасался драки: — Стая оцепенела.

— Подумаешь, Изгнанники, конечно, Изгнанники, ну и пусть Изгнанники! — сказал кто-то из молодых. — Интересно, где это они научились так летать?

Прошел почти час, прежде чем все члены Стаи узнали о Приказе Старейшего: НЕ ОБРАЩАТЬ НА НИХ ВНИМАНИЯ. Чайка, которая заговорит с Изгнанником, сама станет Изгнанником. Чайка, которая посмотрит на Изгнанника, нарушит Закон Стаи.

С этой минуты Джонатан видел только серые спины чаек, но он, казалось, не обращал внимания на то, что происходит. Он проводил занятия над Берегом Совета и впервые старался выжать из своих учеников все, на что они были способны.

— Мартин! — разносился по небу его голос. — Ты говоришь, что умеешь летать на малой скорости. Говорить мало, это надо еще доказать. ЛЕТИ!

Незаметный маленький Мартин Уильям так боялся вызвать гнев своего наставника, что, к собственному изумлению, научился делать чудеса на малой скорости.

Он располагал перья таким образом, что при малейшем ветерке поднимался до облаков и опускался на землю без единого взмаха крыльев.

А Чарльз-Роланд поднялся на Великую Гору Ветров на высоту двадцать

четыре тысячи футов и спустился, посиневший от холодного разреженного воздуха, удивленный, счастливый и полный решимости завтра же подняться еще выше.

Флетчер, который больше всех увлекался фигурами высшего пилотажа, одолел шестнадцативитковую вертикальную замедленную бочку, а на следующий день превзошел самого себя, сделал тройной переворот через крыло, и ослепительные солнечные зайчики разбежались по всему берегу, откуда за ним украдкой наблюдала не одна пара глаз.

Джонатан ни на минуту не разлучался со своими учениками, каждому из них он успевал что-то показать, подсказать, каждого подстегнуть и направить. Он летал вместе с ними ночью, при облачном небе, и в бурю — летал из любви к полетам, а чайки на берегу тоскливо жалась друг к другу.

Когда тренировки кончались, ученики отдыхали на песке, и со временем они научились слушать Джонатана более внимательно. Он был одержим какими-то безумными идеями, которых они не понимали, но некоторые его мысли были им вполне доступны.

Ночами позади кружка учеников постепенно начал образовываться еще один круг: в темноте любопытные чайки долгими часами слушали Джонатана, и, так как ни одна из них не хотела видеть своих соседей и не хотела, чтобы соседи видели ее, перед восходом солнца все они исчезали.

Прошел месяц после Возвращения, прежде чем первая чайка из Стаи переступила черту и сказала, что хочет научиться летать. Это был Терренс Лоуэл, который тут же стал проклятой птицей, клейменным Изгнанником... и восьмым учеником Джонатана.

На следующую ночь от Стаи отделился Кэр Мейнард, он проковылял по песку, волоча левое крыло и рухнул к ногам Джонатана.

— Помоги мне, — проговорил он едва слышно, будто собирался вот-вот расстаться с жизнью. — Я хочу летать больше всего на свете...

— Что ж, не будем терять время, — сказал Джонатан, — поднимайся вместе со мной в воздух — и начнем.

— Ты не понимаешь. Крыло. Я не могу шевельнуть крылом.

— Мейнард, ты свободен, ты вправе жить здесь и сейчас так, как тебе велит свое «я», твоё истинное «я», и ничто не может тебе помешать. Это Закон Великой Чайки, это — Закон.

— Ты говоришь, что я могу летать?

— Я говорю, что ты свободен.

Так же легко и просто, как это было сказано, Кэрк Мейнард расправил крылья — без малейших усилий! — и поднялся в темное ночное небо. Стая проснулась, услышав его голос, с высоты пять тысяч футов он прокричал во всю силу своих легких:

— Я МОГУ ЛЕТАТЬ! СЛУШАЙТЕ! Я МОГУ ЛЕТАТЬ!

На восходе солнца почти тысяча чаек толпилась вокруг учеников Джонатана и с любопытством смотрела на Мейнара. Им было безразлично, видят их или нет, они слушали, старались понять, что говорит Джонатан.

Он говорил об очень простых вещах: о том, что чайка имеет право летать, что она свободна по самой своей природе, и ничто не должно стеснять ее свободу — никакие обычаи, предрассудки, запреты.

— Даже если это Закон Стаи? — раздался голос из толпы чаек.

— Существует только один истинный закон — тот, который помогает стать свободным, сказал Джонатан. — Другого нет.

— Разве мы можем научиться летать, как ты? — донесся до Джонатана другой голос. — Ты особенный, ты талантливый, ты необыкновенный, ты не похож на других.

— Посмотрите на Флетчера! На Лоуэла! На Чарльз-Роланда! На Джади Ли! Они тоже особенные, тоже талантливые и необыкновенные? Не больше, чем ты, и не больше, чем я. Единственное их отличие, одно-единственное отличие состоит в том, что они начали вести себя так, как подобает чайкам.

Его ученики, за исключением Флетчера, беспокойно задвигались. Они не были уверены, что дело обстоит именно таким образом.

Толпа росла с каждым днем, чайки прилетали, чтобы расспросить, высказать восхищение, поиздеваться.

— В Стае говорят, что ты Сын Великой Чайки, — сказал Флетчер однажды утром, разговаривая с Джонатаном после Тренировочных Полетов на Высоких Скоростях, — а если нет, значит ты опередил свое время на тысячу лет.

Джонатан вздохнул: «Цена непонимания, — подумал он. — Тебя называют дьяволом или Богом».

— Как ты думаешь, Флетч? Опередили мы свое время? Долгая пауза.

— По-моему, такие полеты были возможны всегда, просто кто-нибудь должен был об этом догадаться и попробовать научиться так летать, а время здесь ни при чем. Может быть, мы опередили моду. Опередили привычные представления о полете чаек.

Это уже кое-что, — сказал Джонатан, перевернулся через крыло и некоторое время скользил по воздуху вверх лапами. — Это все-таки лучше, чем опередить время.

Несчастье случилось ровно через неделю. Флетчер показывал приемы скоростного полета группе новичков. Он уже выходил из пике, пролетев сверху вниз семь тысяч футов — длинная серая змейка мелькнула на высоте нескольких дюймов над берегом, — когда на его пути оказался птенец, который совершал первый полет и призывал свою маму. У Флетчера Линда была лишь десятая доля секунды, чтобы попытаться избежать столкновения, он резко отклонился влево и на скорости более двухсот миль в час врезался в гранитную скалу.

Ему показалось, что скала — это огромная кованная дверь в другой мир. Удушающий страх, удар и мрак, а потом Флетчер поплыл по какому-то странному, странному небу, забывая, вспоминая и опять забывая, ему было страшно, и грустно, и тоскливо, отчаянно тоскливо.

Голос донесся до него как в первый раз, когда он встретил Джонатана Ливингстона.

— Дело в том, Флетчер, что мы пытаемся раздвигать границы наших возможностей постепенно, терпеливо. Мы еще не подошли к полетам сквозь скалы, по программе нам предстоит заняться этим немного позже.

— Джонатан!

— Которого называют также Сыном Великой Чайки, — сухо отозвался его наставник.

— Что ты здесь делаешь? Скала! Неужели я не... разве я не... умер?

— Ох, Флетч, перестань! Подумай сам. Если ты со мной разговариваешь, очевидно, ты не умер, так или нет? У тебя просто резко изменился уровень сознания,

только и всего. Теперь выбирай. Ты можешь остаться здесь и учиться на этом уровне, который, кстати, ненамного выше того, на котором ты находился прежде, а можешь вернуться и продолжать работу со Стаей. Старейшины надеялись, что случится какое-нибудь несчастье, но они не ожидали, что оно произойдет так своевременно.

— Конечно, я хочу вернуться в Стаю. Я ведь только начал заниматься с новой группой!

— Прекрасно, Флетчер. Ты помнишь, мы говорили, что тело — это ни что иное как мысль?

Флетчер покачал головой, расправил крылья и открыл глаза: он лежал у подножья скалы, а вокруг толпилась Стая. Когда чайки увидели, что он пошевелился, со всех сторон послышались злые пронзительные крики:

— Он жив! Он умер и снова ЖИВ!

— Прикоснулся крылом! Оживил! Сын Великой чайки!

— Нет! Говорит, что не сын! Это дьявол! ДЬЯВОЛ! Явился, чтобы погубить Стаю!

Четыре тысячи чаек, перепуганные невиданным зрелищем, кричали: ДЬЯВОЛ! — и этот вопль захлестнул стаю, как бешеный ветер во время шторма. С горящими глазами, с плотно сжатыми клювами, одержимые жаждой крови, чайки подступали все ближе и ближе.

— Флетчер, не лучше ли нам расстаться с ними? — спросил Джонатан.

— Пожалуй, я не возражаю...

В то же мгновение они оказались в полумиле от скалы, и разящие клювы обезумевших птиц вонзились в пустоту.

— Почему труднее всего на свете заставить птицу поверить в то, что она свободна, — недоумевал Джонатан, — Ведь каждая птица может убедиться в этом сама, если только захочет чуть-чуть потренироваться. Почему это так трудно?

Флетчер еще мигал, он никак не мог освоиться с переменной обстановки.

— Что ты сделал? Как мы здесь очутились?

— Ты сказал, что хочешь избавиться от обезумевших птиц, верно?

— Да, Но как ты...

— Как все остальное, Флетчер. Тренировка.

К утру Стая забыла о своем безумии, но Флетчер не забыл.

— Джонатан, помнишь, как давным-давно ты говорил, что любви к Стае должно хватить на то, чтобы вернуться к своим сородичам и помочь им учиться?

— Конечно.

— Я не понимаю, как ты можешь любить обезумевшую стаю птиц, которая только что пыталась убить тебя.

— Ох, Флетч! Ты не должен любить обезумевшую стаю птиц! Ты вовсе не должен воздавать любовью на ненависть и злобу. Ты должен тренироваться и видеть истинно добрую чайку в каждой из этих птиц и помочь им увидеть ту же чайку в них самих. Вот что я называю любовью. Интересно, когда ты наконец, это поймешь? Я, кстати, вспомнил сейчас об одной вспыльчивой молодой птице по имени Флетчер Линд. Не так давно, когда этого самого Флетчера приговорили к Изгнанию, он готов был биться насмерть со всей Стаей и создал на Дальних Скалах настоящий ад для своего личного пользования. Тот же Флетчер сейчас создает свои небеса и ведет туда всю Стаю.

— Я веду? Что означают эти слова: я веду? Здесь ты наставник. Ты не

можешь нас покинуть?

— Не могу? А ты не думаешь, что существуют другие стаи и другие Флетчеры, которые, может быть, нуждаются в наставнике даже больше, чем ты, потому что ты уже находишься на пути к свету?

— Я? Джон, ведь я обыкновенная чайка, а ты ... — ... единственный Сын Великой Чайки, да?

— Джонатан вздохнул и посмотрел на море. — Я тебе больше не нужен. Продолжай поиски самого себя — вот что тебе нужно, старайся каждый день хоть на шаг приблизиться к подлинному всемогущему Флетчеру. Он — твой наставник. Тебе нужно научиться понимать его и делать, что он тебе велит.

Мгновенье спустя тело Джонатана дрогнуло и начало таять в воздухе, его перья засияли каким-то неверным светом.

— Не позволяй им болтать про меня всякий вздор, не позволяй им делать из меня Бога, хорошо, Флетч? Я — чайка. Я люблю летать, может быть.

— ДЖОНАТАН!

— Бедняга Флетч! Не верь глазам своим! Они видят только преграды. Смотреть — значит понимать, осознай то, что уже знаешь, и ты научишься летать.

Сияние померкло. Джонатан растворился в просторах неба.

Прошло немного времени, Флетчер заставил себя подняться в воздух и предстал перед группой еще совсем зеленых новичков, которые с нетерпением ждали первого урока:

— Прежде всего, — медленно проговорил он, — вы должны понять, что чайка — это воплощение идеи безграничной свободы, воплощение образа Великой Чайки, и все ваше тело, от кончика одного крыла до кончика другого — это не что иное, как ваша мысль.

Молодые чайки насмешливо поглядывали на него. «Ну-ну, приятель, — думали они, — вряд ли это объяснение поможет нам сделать мертвую петлю».

Флетчер вздохнул.

— Хм. Да... так вот, — сказал он и окинул их критическим взглядом. — Давайте начнем с Горизонтального Полета.

Произнеся эти слова, Флетчер вдруг действительно понял, что в Джонатане было столько же необыкновенного, сколько в нем самом.

«Предела нет, Джонатан? — подумал он. — Ну что же, тогда недалек час, когда я вынырну из поднебесья на твоём берегу и покажу тебе кое-какие новые приемы полета!»

И хотя Флетчер старался смотреть на своих учеников с подобающей суровостью, он вдруг увидел их всех такими, какими они были на самом деле, увидел на мгновение, но в это мгновение они не только понравились ему — он полюбил их всех. «Предела нет, Джонатан?» — подумал он с улыбкой. И ринулся в погоню за знаниями.